

И. Е. Иванова

СЕРБСКАЯ ПУНКТУАЦИЯ ПРОСТОГО ПРЕДЛОЖЕНИЯ В СОПОСТАВЛЕНИИ С РУССКОЙ: ФУНКЦИИ ОДИНОЧНЫХ ЗНАКОВ ПРЕПИНАНИЯ

Задачей данной статьи является сопоставление функций одиночных знаков препинания в простом предложении в сербском и русском языках. В первую очередь речь пойдет о тире как о наиболее частотном разделяющем пунктуационном знаке¹.

I. Рассмотрим случаи употребления одиночного тире в простом предложении. Обратимся сначала к правилам русской пунктуации, поскольку русская пунктуационная система исследована и описана в лингвистической литературе более подробно, чем сербская.

1. В русском простом предложении употребление одиночного тире связано прежде всего с различными пропусками – глагола-связки или членов предложения в неполных структурах ([Валгина 1991: 418]).

По правилам сербской пунктуации, изложенным в действующем сейчас «правописном кодексе» (далее – ПК), тире также может заменять собой пропущенный глагол-связку ([Пешикан 1994: 276]). Различие заключается в том, что для сербского языка предложение с таким пропуском представляет собой отступление от грамматической нормы. Приведем примеры такого употребления тире в исследованных нами текстах:

Прсти – танки, гинки [Davičo 1971: 22]. – ‘Пальцы – тонкие, гибкие’²; *Брусје – осматрачница над острвом* [Московьевич 1972: 33]. – ‘Брусье – дозорная башня над городом’; «*За доручак – ким-суну!*» [Угринов 1981: 15] – ‘На завтрак – тминный суп!’; *Острво – бодљикави јеж* [Карог 1980: 17]. – ‘Остров – колючий еж’; *Због тога су слојеви старијег плеистоцена – језерског и барског, а слојеви млађег плеистоцена – флувијалног и еолског порекла* [Carić, 14]. – ‘Поэтому наслоения древнейшего плейстоцена – озерного и болотного происхождения, а младшего плейстоцена – речного и эолового’. На наш взгляд, данный тип предложений в сербском языке характеризуется определенной стилистической окрашенностью: он присуш

¹ Разделяющая запятая при однородных членах предложения в статье не рассматривается.

² В переводах примеров на русский язык, выполненных нами, знаки препинания расставлены в соответствии с нормами русской пунктуации.

художественным и публицистическим текстам, отличающимся динамичностью. В научных текстах тоже встречается тире, способствующее структурному оформлению высказывания при пропуске глагола-связки в неполных предложениях. Этим достигается динамичность изложения. Однако в научной речи такие неполные предложения употребляются редко.

2. Одиночное тире в русском языке может использоваться для выражения эмоциональной напряженности, экспрессивности высказывания, для обозначения его актуального членения.

А. Б. Шапиро в книге «Основы русской пунктуации» описывает постановку тире в месте «распадения предложения на две словесные группы, которое способствует сосредоточению слушателя на каком-нибудь члене предложения, находящемся в предшествующей и последующей группе членов... Слово или слова, носители смыслового ударения, выделяются средствами интонации. Такое расчленение предложения обычно поддерживается эмоциональным характером высказывания» [Шапиро 1955: 339].

Д. Э. Розенталь называет такое тире интонационным. Оно может использоваться «для указания места распада простого предложения на словесные группы, чтобы подчеркнуть или уточнить смысловые отношения между членами предложения» (*Пошли в клуб – почитать, поиграть в шашки, потанцевать*), а также «для выражения неожиданности или для обозначения логического ударения» (*Через несколько минут загремели цепи, двери открылись, и вошел – Швабрин*) [Розенталь 1984: 20].

Эмоциональной нагрузкой объясняет Н. С. Валгина использование этого знака в отрывке из стихотворения А. Блока: *Страшно, сладко, неизбежно надо / Мне – бросаться в многопенный вал, / Вам – зеленоглазую наядой / Петь, плескаться у ирландских скал* ([Валгина 1991: 422–423]).

Одновременно постановка тире в приведенных примерах подчеркивает актуальное членение предложений. Некоторые авторы считают основной функцией тире в современном русском языке именно последнюю – выражение актуального членения. Так, Т. М. Николаева в результате анализа разных типов употребления тире, описанных в действующих «Правилах русской орфографии и пунктуации», определяет его для современного русского литературного языка как «показатель коммуникативной установки пишущего», «показатель двучленности высказывания, его актуального членения на основу и ядро». Вот один из приведенных ею примеров: *Я вас спрашиваю: рабочим – нужно платить?* ([Николаева 2000: 295]).

В статье «О современной газетной пунктуации» Г. С. Шалимова пишет о необходимости изменения подхода к толкованию постановки тире в простом предложении по основному правилу, которое звучит так: «При отсутствии глагола-связки между подлежащим и сказуемым, выраженным именительным падежом существительного, обычно ставится тире, например: *Грушицкий – юнкер* (Лермонтов); *Люди – или пьяницы, или картежники, или такие, как доктор* (Чехов); *Человек – кузнец своему счастью* (Федин)». Автор полагает, что «все эти предложения отчетливо двучленны, и тире в них ставится при определенном коммуникативном задании для обозначения той в смысловом и экспрессивном отношении насыщенной паузы, которая служит для выражения актуального членения» [Шалимова 1987: 194].

3. В сербском языке употребление тире также может быть связано с коммуникативным членением предложения и передачей его эмоционально-экспрессивной окрашенности.

В «Грамматике сербского языка» отмечается, что порядок слов и просодические средства (движение основного тона, логическое ударение, паузы и т. д.) могут быть не только средством актуального членения, они также создают стилистический эффект. При определенном способе произнесения отдельных частей предложения, а также при определенном их размещении в предложении говорящий может выделить высказанную им информацию и показать свое отношение к ней. Например, если фокус (рема) высказывания содержит нечто неожиданное, это можно подчеркнуть с помощью логического ударения и паузы перед ним. На письме в этом случае обычно ставится тире: *Иван је ударио – Марка* – ‘Иван ударил – Марко’ ([Станојчић 2000: 363]).

В результате анализа предложений авторы грамматики делают вывод, что любой член предложения, выступающий в качестве ремы, может выделяться в устной речи усилением логического ударения и экспрессивной паузой, обозначаемой на письме знаком тире («Сви наведени типови фокуса могу се истицати у говору појачавањем реченичног акцента и употребом експресивне паузе, која се у писању обележава цртом») ([Станојчић 2000: 368]): *Зоран је купио (–) ауто!* – ‘Зоран купио – машину’; *Дошао је (–) Иван!* – ‘Пришел – Иван’.

ПК указывает на эту функцию тире, определяя его как знак, «обладающий максимальной экспрессивностью» ([Пешикан 1994: 275]). Далее в ПК отмечается, что тире часто выступает перед завершающей частью высказывания, особенно если эта часть усиливает экс-

прессивность высказывания: *Али јаруга није крива, него права – као под конац* – ‘Но овраг был не кривой, а прямой – как по линейке’ ([Пешикан 1994: 276]).

Приведем примеры подобного употребления тире в исследованных нами текстах.

А. Тире перед дополнением, одиночным или распространенным: *Мина ми је открила – пријатељско друштво* [Угринов 1981: 70]. – ‘Мина открыла мне – дружбу’; *...у овом рату, ЈНА први пораз је претрпела као жртва сопствене – неписмености* [Vreme 2002: 20]. – ‘...в этой войне ЮНА потерпела свое первое поражение из-за собственной – безграмотности’.

Б. Тире между составом подлежащего и составом сказуемого: *Она га сама – купује* [Базар 1996: 27]. – ‘Она его сама – покупает’; *У манастиру су – он, један ћутљиви Сингалез и Свети Петар* [Пешић 1984: 14]. – ‘В монастыре были – он, какой-то молчаливый сингал и святой Петр’.

ПК предполагает постановку тире между составом подлежащего и составом сказуемого, если подлежащее значительно распространено. Постановка тире возможна также после значительно распространенной начальной части предложения перед завершающей: *Гозбе, сцене лова, дивље звери, ловци који их убијају и гоне – разликују се композиционо од примера на каснијим чашама* – ‘Пиршествва, сцены охоты, преследующие и убивающие зверей охотники – композиционно отличаются от изображений на более поздних бокалах’; *Композиције лова су се јављале на низу кутија од слонове кости, посуда, тканина и на керамици – и у постасанидско доба* ([Пешикан 1994: 276]) – ‘Изображения охоты присутствуют на некоторых ларцах из слоновой кости, посуде, тканях, керамике – и в постасанидский период’.

Постановка тире в примерах второго типа, на наш взгляд, связана не с объемом начальной части предложения, а с его актуальным членением.

В. Тире между частями сказуемого:

...уместо пријатног и лагодног живота постала је – режим [Угринов 1981: 18] – ‘...вместо приятной и удобной жизни она стала – режимом’; *«Црн коверат послан у недођин!» помисли Борђе гледајући га како се стањује, постаје, са ужареношћу што се мрачила – све пљоснатији, све сличнији марки залепљеној на црни коверат врата* [Davičo 1971: 28] – ‘«Черный конверт письма в никуда!» – подумал Джордже, глядя, как он истончается, становится в

темнеющей жаре – все более плоским, все более похожим на марку, наклеенную на черный конверт дверей'.

Г. Тире после какого-либо элемента предложения, не главного члена, перед остальной частью предложения:

Оно што ја сматрам да је далековидо код Кејнза то је да – тржиште не може све само да реши [Vreme 2002: 10] – 'В чем я считаю Кейнза прозорливым, так это в том, что – рынок не может все решить сам'; **Волт Дизни је открио још једну важну ствар: у цртаном свету – укинуо је чврсте породичне везе** [Vreme 2002: 31] – 'У Уолта Диснея есть еще одна находка: в рисованном мире – он ликвидировал близкие семейные связи'.

Часто с помощью тире оформляются на письме предложения, передающие устную речь:

«Хотимично сам то учинио. Ја сам – разбојник!» [Угринов 1981: 32] – '«Я специально это сделал. Я – разбойник!»'; **«Хоћеш да кажеш, – кликну Вукашин, – да је сецесија – кич?»** [Угринов 1981: 77] – '«Ты хочешь сказать, – воскликнул Вукашин, – что сецессия – кич?»'

В наибольшей степени экспрессивность выражается в предложениях, где тире разделяет словосочетание, внутри которого обычно отсутствуют знаки препинания, например, после согласованного определения перед определяемым существительным или между отрицательной частицей *не* и последующим словом:

...у овом рату, ЈНА први пораз је претрпела као жртва своје сопствене – неписмености [Vreme 2002: 20] – '...в этой войне ЮНА потерпела свое первое поражение из-за собственной – безграмотности'; **...да од живота направи живот а не – бајку** [Базар 1998: 14] – '...сделать жизнь жизнью, а не – сказкой'.

Между двумя языками существует небольшое различие в возможном месте постановки тире: если для автора, пишущего на сербском, постановка знака после предлога вполне естественна, то в русском тексте тире предшествует предлогу:

Али је зато све те приходе, тај брижно стечени новац, трошила... по – бањама [Угринов 1981: 18] – 'Но зато все свои доходы, все накопленные деньги она тратила – на курортах'; **«Реч је о – женском оку!» – рече Вукашин...** [Угринов 1981: 80] – '«Мы говорим – о женских глазах», – заявил Вукашин'; **...корачамо у – неизвесност!** [Угринов 1981: 93] – '...мы шагаем – в неизвестность'.

Как в русском языке, так и в сербском употребление тире в качестве экспрессивного средства свойственно художественным и публицистическим текстам.

II. В сербских художественных и публицистических текстах встречаются предложения, в которых актуальное членение высказывания и сопровождающая его эмоционально-экспрессивная окрашенность выражаются другими знаками.

1. Наиболее часто функции тире в сербском простом предложении берет на себя запятая. Подобное употребление запятой не предусматривается ПК.

Поскольку запятая – наиболее распространенный пунктуационный знак, его синонимичность тире может выявляться в ограниченном числе позиций:

а) позиция, при которой предложение разделено на две части, и в одной из них находится дополнение:

О, види ти, детета! [Петровић 1963: 18] – ‘Посмотрите-ка – на ребеночка!’; **Једном је дошао без ичега и затражио хитно, сто рупија** [Пешић 1984: 18] – ‘Однажды он пришел ни с чем и попросил срочно – сто рупий’; **...од коктела и позоришта, до опере и ресторана...** [Базар 1996: 12] – ‘от коктейлей и театров – до оперы и ресторана’; **Ми који сањамо крвљу, укрштене ноже, Боже!** [Политика: 13] – ‘Мы, чья кровь жаждет – скрещенных ножей, о Боже!’

б) позиция между подлежащим и сказуемым (между составом подлежащего и составом сказуемого): **Ми овде, отерасмо свог црквеног поглавицу у гроб** [Петровић 1963: 56] – ‘Мы здесь – вогнали своего церковного пастыря в гроб’; **Али његов пријатељ и компаньон Дамјан, случајно ме откри иза веранде и благо прекори...** [Угринов 1981: 10] – ‘Но его друг и компаньон Дамьян – случайно обнаружил меня за занавеской и мягко укорил’; **Али живети ту, значило је бити сам углавном** [Давићо 1971: 60] – ‘Но жить здесь – означало быть в основном одному’; **Одбити, значило би увредити** [Давићо 1971: 65] – ‘Отказаться – значило бы обидеть’; **Која је, шта?** [Карор 1980: 7] – ‘Которая – что?’.

Вопрос о возможности отделения сказуемого от подлежащего с помощью запятой рассматривается в книге М. Аяновича, который, вслед за А. Пецо и М. Пешиканом, связывает такие случаи с высокой степенью распространенности подлежащего [Ајановић 1998: 68–70].

С одной стороны, использование запятой в качестве знака, подчеркивающего актуальное членение высказывания, противоречит принципам, заложенным в ПК А. Белича, так как в соответствии с ними «все, что в языке связано непосредственной связью, не может разделяться запятой... Все, чем определяется, объясняется другое слово, другая часть предложения и т. п., все, что зависит от чего-то друго-

го, не отделяется запятой» [Белић 1950: 80]. С другой стороны, в настоящее время сербские лингвисты придают большое значение влиянию интонации на постановку знаков препинания, в частности запятой. Так, в правописном кодексе Р. Симича, Ж. Станойчича, Б. Остоича, Б. Чорича, М. Ковачевича утверждается, что в сербском языке запятая ставится там, где в речи по какой-либо причине делается пауза, а другой знак препинания отсутствует ([Симич 1993: 147]).

Русской пунктуации использование запятой в подобных позициях несвойственно. Е. В. Дзякович расценивает как совершенно недопустимую, «грубую подмену знаков» постановку запятой между подлежащим и сказуемым в следующем предложении: *Как показывает наш опыт работы с руководителями образовательных учреждений, для некоторых оценка себя, это достаточно трудный процесс...* [Дзякович 2001: 40]. Г. С. Шалимова отмечает как явную ошибку «закрепившуюся во многих газетах постановку запятой в стандартных заголовках типа «*Весла, как крылья*» (Комсомольская правда. 1983. 14 июня); «*Игра, как праздник*» (Правда. 1984. 9 июля) и др. Автор понимает, что это попытка использовать запятую в качестве актуализирующего знака, но в таком случае происходит разрушение структуры предложения, поскольку запятая оказывается между подлежащим и составом сказуемого [Шалимова 1987: 191].

Многие из приведенных выше сербских примеров могли бы быть переведены на русский язык с использованием многоточия. В настоящее время отмечается все больше случаев употребления многоточия в значениях, не предусмотренных «Правилами русской орфографии и пунктуации» [Правила 1956]. Н. С. Валгина в книге «Активные процессы в современном русском языке» пишет о передаче этим знаком следующих смысловых оттенков: указание на подтекстовое содержание, алогизмы, указание на неожиданность и неоправданность каких-либо сочетаний слов. Вот некоторые из приведенных ею примеров: *Туристские тропы... под землей; Роса... по заказу. О конкуренции и... равенстве* [Валгина 2001: 269].

Сербские предложения, в которых выражены те же значения, могут быть адекватно переданы на русском языке не только с использованием тире, но и многоточия:

Једном је дошао без ичега и затражио хитно, сто рупија [Пешић 1984: 18] – ‘Однажды он пришел ни с чем и попросил срочно... сто рупий’; ***Драга моја госпођице Татјана, замислите се колики сте ви паразит, за родитеље, а и за друштво*** [Базар 1998: 4] – ‘Моя милая мадемуазель Татьяна, представьте только, каким парази-

*том вы являетесь... для родителей, да и для общества’; **Њен тихи, одлучни, готово непознати глас, задржа га на месту** [Петровић 1963: 39] – ‘Ее тихий, решительный, почти незнакомый голос... заставил его остановиться’.*

2. Еще один знак, который мы встречаем в сербских текстах вместо тире, – двоеточие. Некоторые особенности употребления двоеточия, названные в ПК, дают возможность использовать его как знак, выражающий актуальное членение высказывания. По правилу, постановка двоеточия возможна при разъяснении, конкретизации чего-либо, что было упомянуто в обобщенном виде. Среди примеров в ПК находим и такой: **Добила је и поклон: један сребрни прстен** [Пешикан 1994: 283] – ‘Она получила и подарок – серебряный перстень’.

Расширение функций двоеточия в простом предложении происходит и в современном русском языке. Н. С. Валгина связывает его новое употребление с ритмико-эмфатическим аспектом речи и отмечает, что такое пунктуационное оформление предложения характерно для заголовков публикаций в прессе: «*Адвокат: права и проблемы; Собственная машина: благо или бедствие*» [Валгина 1991: 426]. В другой своей книге она приводит следующие примеры употребления данного знака: *Все, что было до него, он признает: никуда не годным; Вступил к ним. Но: болтовня одна, или политической власти хотят* [Валгина 2001: 283–284].

Нам встретился пример нерегламентированного использования двоеточия как одного из средств стилизации в подражание традиционной японской поэзии:

Не беречь красы

И не бояться смерти:

Бабочки полет [Акунин 2003: 11].

Различие между употреблением двоеточия в функции тире в простом предложении в сербском и русском языках состоит в том, что двоеточие в рассматриваемом случае не предполагается правилами русской пунктуации, в то время как сербская кодификация не запрещает его. Двоеточие в качестве знака для выражения актуального членения предложения встречается в русских текстах как единичное авторское употребление. Сербская пунктуационная система предполагает более широкие возможности использования двоеточия, поскольку его способность предварять то, что логически завершает и конкретизирует сказанное ранее, распространяется на большое число позиций: любая концовка предложения может считаться логическим его завершением. Такое употребление рассматриваемого знака

отмечал А. Белич: двоеточие ставится перед тем, что вытекает из сказанного ранее («...две тачке стављају се пред оним што из раније реченог излази...»). В приведенном им примере двоеточие следует за дополнением и предшествует сказуемому: **Месец јасни, звезда јато / и сунанице умилато: / ти сатвори, вељи Боже!** [Белић 1950: 99].

Приведем примеры употребления двоеточия в перечисленных выше функциях в исследованных нами текстах:

Ту сам, поново, открио да је рај: немаи брига и не мислити [Пешић 1984: 53] – ‘Здесь я снова понял, что рай – жить без забот и ни о чем не думать’; **За тебе: нема** [Андрић 1963: 162]. – ‘Для тебя – нет’; **Највише се диви: храбрости** [Базар 1998: 11]. – ‘Больше всего он восхищается – мужеством’; **Господа из Београда: госпођа Велицки, господин секретар Министарства финансија, господин професор, господин писар Духовног суда; а ја опет: одличан ђак, воли историју, будући патриот итд** [Петровић 1963: 114]. – ‘Господа из Белграда: госпожа Велицкая, господин секретарь министерства финансов, господин профессор, господин писарь Духовного суда; да и я – отличник, интересуюсь историей, будущий патриот и т. д.’

Из вышесказанного следует, что функции одиночного тире в простом предложении в сербском и русском языках в целом совпадают. Тире используется при пропуске глагола-связки и для подчеркивания актуального членения предложения. В последнем случае тире одновременно приводит к созданию экспрессивно-эмоциональной окраски.

Тире, служащее для выражения актуального членения высказывания, в сербских текстах может заменяться одиночной запятой или двоеточием. Для русского языка использование запятой и двоеточия в указанной функции расценивается лингвистами как ошибка или (для художественных текстов) как авторский знак. Ранее сербская пунктуационная норма не допускала такого использования запятой, в то время как употребление двоеточия считалось допустимым. Современная сербская ортология допускает постановку в этой позиции и одиночной запятой.

Л и т е р а т у р а

Белић 1950 – Белић А. Правопис српскохрватског књижевног језика. Београд, 1950.

Валгина 1991 – Валгина Н. С. Синтаксис современного русского языка. М., 1991.

Валгина 2001 – Валгина Н. С. Активные процессы в современном русском языке. М., 2001.

Славянский вестник. Вып. 2. М.: МАКС Пресс, 2004. 608 с.

- Дзякович 2001 – *Дзякович Е. В.* Пунктуация в свете проблем культуры общения // Хорошая речь. Саратов, 2001.
- Николаева 2000 – *Николаева Т. М.* От звука к тексту. М., 2000.
- Пешикан 1994 – *Пешикан М., Јерковић Ј., Пижурица М.* Правопис српског језика. Нови Сад, 1994.
- Правила 1956 – *Правила русской орфографии и пунктуации.* М., 1956.
- Розенталь 1984 – *Розенталь Д. Э.* Справочник по пунктуации. М., 1984.
- Симић 1993 – *Симић Р., Станојчић Ж., Остојић Б., Ђорић Б., Ковачевић М.* Правопис српског језика са рјечником. Никшић; Београд, 1993.
- Станојчић 2000 – *Станојчић Ж., Поповић Љ.* Граматика српског језика. Београд, 2000.
- Шалимова 1987 – *Шалимова Г. С.* О современной газетной пунктуации // Значение и смысл слова. М., 1987.
- Шапиро 1955 – *Шапиро А. Б.* Основы русской пунктуации. М., 1955.
- Ајановић 1998 – *Ајановић М.* Interpunkcija u teoriji i praksi bosanskog, hrvatskog, srpskog jezika. Sarajevo, 1998.

Источники

- Акунин 2003 – *Акунин Б.* Алмазная колесница. Т. 2. М., 2003.
- Андрић 1963 – *Андрић И.* Сабрана дела. Књ. 2. Београд, 1963.
- Базар 1996 – Базар. 1996. № 819 (20 сент.).
- Базар 1998 – Базар. 1998. № 863 (29 мая).
- Московљевић 1972 – *Московљевић О.* Светлости Медитерана. Нови Сад, 1972.
- Петровић 1963 – *Петровић В.* Молох. Београд, 1963.
- Пешић 1984 – *Пешић С.* Светло острво. Нови Сад, 1984.
- Политика 1990 – Политика. 1990. 9 июня.
- Угринов 1981 – *Угринов П.* Фасцинације. Београд, 1981.
- Сарић 1984 – *Сарић Н.* Општина Већеј. Novi Sad, 1984.
- Давићо 1971 – *Давићо О.* Pesma. Beograd, 1971.
- Карор 1980 – *Карор М.* Ada. Beograd, 1980.
- Vreme 2002 – Vreme. 2002. № 574 (3 января).